

- ⁶³ Athenaeum. 1883. № 2893 (цит. по: *Таратута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М., 1973. С. 308).
- ⁶⁴ Последний раз в кн.: 1 марта 1881 г. Казнь императора Александра II. Документы и воспоминания. Л., 1991. С. 294–295.
- ⁶⁵ 1 марта 1881 г. С. 295.
- ⁶⁶ Цит. официальный отчет о казни, сообщение корреспондента английской газеты «Times» и воспоминания графа Р.Л. фон Пфейля: 1 марта 1881 г. М., 1931. С. 206, 210, 250.
- ⁶⁷ Цит. по: *Карачевский Н.П.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 33.
- ⁶⁸ *Morley J.* Home and foreign affairs // *Fortnightly Review*. 1881. V. 29. № 173. P. 669–670.
- ⁶⁹ *la Revolte*. 1881. 14 Mai. P. 2.
- ⁷⁰ Хроника социалистического движения в России 1878–1887 гг. Официальный отчет. М., 1906. С. 215.
- ⁷¹ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 335. Л. 184.
- ⁷² ГАРФ. Ф. 102. 7 д-во, 1884. Д. 747. Ч. 4. Л. 10 об., 12.
- ⁷³ См.: *Волк С.С.* «Народная воля» (1879–1882). М.; Л., 1966. С. 148.
- ⁷⁴ *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 360.
- ⁷⁵ Там же. С. 370.
- ⁷⁶ Вера Фигнер здесь строго следовала уставу ИК, который обязывал членов комитета в случае ареста называть себя всего лишь агентами 3-й степени, ибо комитет должен был выглядеть «неуловимым и недостижимым». Но поскольку агенты ИК были двух степеней доверия (по восходящей!), агент 3-й степени – это и есть, в сущности, член Комитета.
- ⁷⁷ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 3. Д. 51. Ч. 1–2. Л. 8 об.
- ⁷⁸ Подлинник см. там же. Л. 15–44. Опубликовано в № 2–4 журнала «Былое» за 1917 г.
- ⁷⁹ Любопытно, что граф Д.А. Толстой, пожелав после ареста Фигнер лично допросить ее, долго разглагольствовал перед ней о бесплодности «красного» террора и в заключение сказал: «Жаль, нет времени, а то я убедил бы вас». Фигнер на это в тон министру ответила: «Я тоже жалею. Надеюсь, я обратила бы вас в народовольца» (см.: *Фигнер В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 362).
- ⁸⁰ Фамилия Веры Фигнер по мужу, с которым она разошлась еще в 1876 г.
- ⁸¹ *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. М., 1966. Т. 1. С. 71.
- ⁸² РГВИА. Ф. 1351. Оп. 3. Д. 51. Ч. 1–2. Л. 133.
- ⁸³ Речь В.Н. Фигнер на процессе «14-ти» впервые была опубликована в Листке «Народной воли» (1886. № 3). Полностью воспроизведена в мемуарах Фигнер (см. ее указ. соч. Т. 1. С. 381–388).
- ⁸⁴ *Фигнер В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 390.
- ⁸⁵ Галерея шлиссельбургских узников. СПб., 1907. Ч. 1. С. 250.
- ⁸⁶ Там же. С. 288–289. Подробно об этом см.: *Фигнер В.Н.* Указ. соч. Т. 2. Гл. 25–26.
- ⁸⁷ О Карийской трагедии 7 ноября 1889 г., когда в знак протеста против надругательства тюремщиков над Надеждой Сигидой 18 политкаторжан прибегли к масовому самоубийству, см.: Карийская трагедия (1889 г.). Воспоминания и материалы. Пг., 1920.
- ⁸⁸ О Якутской трагедии, когда за коллективный протест против карательного произвола четверо ссыльных были убиты охранниками, а выжившие преданы суду и еще трое из них повешены, см.: Якутская трагедия 22 марта 1889 г. Сб. воспоминаний и материалов. М., 1925. И Якутская, и Карийская трагедии вызвали взрыв протеста в цивилизованном мире против царского деспотизма.
- ⁸⁹ Не зря царские каратели называли тогда имя Софья «апокалипсическим». Кроме только что названных прошли горнило политических процессов женщины народничества Софья Иванова, Софья Гинсбург, Софья Богомолец, Софья Новаковская, Софья Субботина – мать троих дочерей-революционерок, осужденных по делу «50-ти» (перед тем как их мать была осуждена на процессе «193-х»).

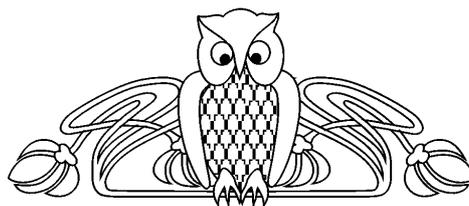
УДК 9(470.44–25) «1871/1892»

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ И СОСТАВ САРАТОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В 1871–1892 годах

М.В. Зайцев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ZaytsevMV@info.sgu.ru

В статье рассматривается функционирование системы городских выборов в Саратове в 1871–1892 гг. На основе широкого круга источников (в том числе архивных) автор систематизирует данные о количестве избирателей и об их участии в выборах, описывает принципы организации и особенности избирательной кампании. Значительное место в работе занимает анализ социального состава Саратовской городской думы указанного периода и перечисле-

ние лиц, наиболее часто проходивших в гласные. Выводы автора затрагивают объективные предпосылки изменения городской избирательной системы в 1892 г.

Municipal Voting and the Saratov City Duma's Structure in 1871–1892

M.V. Zaytsev

The following article examines functioning of Saratov's city electoral system in 1871–1892. On the base of many sources (including archive sources) author systematized data about number of voters and their voting, described the organization and particulars of election. An

important part of the study is analysis of Saratov city дума's social structure and enumerating of people who have been elected for many times. The author's conclusions are connecting with objective reasons of reform of city electoral system in 1892.

Функционирование городской избирательной системы в Саратове и состав Саратовской городской думы 70–80-х гг. XIX в. в настоящее время изучены крайне слабо. Существует очень небольшое количество исторических исследований, так или иначе затрагивающих этот предмет, однако ни одно из них не дает исчерпывающих сведений о представительном органе общественного управления Саратова. Кроме того, в некоторых работах даже поверхностная информация о городской думе отличается крайней неточностью. Причиной ошибок является то, что авторы подчас просто воспроизводят данные источников, не подвергая их критическому анализу и не сопоставляя с другими, более достоверными документами.

Коллективная монография «Очерки истории Саратовского Поволжья» отводит органам саратовского городского общественного управления указанного периода всего один абзац, в котором коротко сообщается о создании городских дум и управ в Саратове и других городах губернии после городской реформы 1870 г., перечислены предметы их ведения и основные принципы избирательной системы. Далее со ссылкой на «Памятную книжку Саратовской губернии на 1872 г.» говорится, что «из 65 членов Саратовского городского самоуправления в 1872 г. 39 были купцами, тогда как мещан было всего 11, а цеховых ремесленников – 3»¹. Эта информация вызывает два вопроса. Во-первых, почему количество «членов Саратовского городского самоуправления» обозначено цифрой 65, тогда как для таких городов, как Саратов число гласных, избравшихся в городскую думу, было определено Городовым положением 1870 г. в 72 человека? (Этот вопрос, безусловно, следует адресовать источнику, так как приведенный в «Памятной книжке...» список гласных действительно неполон, в нем перечислено всего 64 фамилии)². Во-вторых, при сложении 39, 11 и 3 получается 53: к каким же социальным категориям относились остальные 12 (точнее 11) гласных думы?

В другом разделе этого исследования, со ссылкой на газету «Саратовский дневник» (№ 275 за 21 декабря 1886 г.), упоминается, что «в 1887–90 гг. в Саратовскую городскую думу были избраны 17 интеллигентов, 18 мещан, 1 ремесленник и 36 купцов»³. Здесь мы имеем дело с невнимательностью автора § 8 главы V «Очерков...», который точно воспроизвел данные газетной колонки, но не заметил, что уже в следующих номерах того же периодического издания сообщалось о протесте, поступившем на городские выборы и об отмене Саратовским губернским по городским делам присутствием результатов выборов в думу по третьему избирательному собранию⁴. Окончательный состав гласных, избранных на четырехлетие

1887–1890 гг., «Саратовский дневник» опубликовал лишь 24 января 1887 г.⁵

Основные принципы Городового положения 1870 г. и обстоятельства его введения в Саратове описываются в статье Е. Н. Ардабацкого⁶. Автор также привел некоторые данные, касающиеся социального состава избирателей и гласных думы. В частности, со ссылкой на ту же «Памятную книжку Саратовской губернии на 1872 г.», говорится: «всего гласных насчитывалось 65 человек, в том числе имевших чины: по одному действительному статскому, надворному, коллежскому советникам, коллежских асессоров – 6, дворян, военных – 2, купцов II гильдии – 36, потомственных и почетных граждан из купечества – 5, купеческих братьев и сыновей – 2, мещан – 11, цеховых – 3»⁷. И в такой передаче информации источника автор без каких-либо оговорок соглашается с общим числом гласных (65), а на основе исключительно этих данных делает вывод, что «в течение первого четырехлетия (1871–1874 гг.) состав Саратовской Городской Думы несколько менялся количественно, сохраняя стабильность в социальном плане»⁸. Гораздо подробнее состав Саратовской городской думы анализируется в работе А. В. Воронежцева, правда, в иных хронологических рамках⁹. Для 1870–80-х гг. автором статьи указаны лишь общие принципы выборов в думу и количество избирателей по разрядам в 1883 г.

На мой взгляд, необходимо более пристально изучить состав Саратовской городской думы (как социальный, так и персональный), поскольку принадлежность гласных к той или иной общественной или профессиональной категории определяла их мотивацию и, в конечном итоге, оказывала существенное влияние на деятельность органов городского общественного управления. Хронологические рамки данного исследования обусловлены датами введения в Саратове Городовых положений 1870 и 1892 гг.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что «Памятные книжки» или «Адрес-календари» Саратовской губернии за определенные годы вряд ли стоит использовать в качестве основного источника по данной тематике. Эти издания иногда приводят неполные или неточные сведения. Например, в «Адрес-календаре Саратовской губернии на 1888 г.» список гласных думы включает всего 59 человек (тогда как, повторю, избиралось 72), а в аналогичном издании на 1893 г. помещен список гласных избранных еще на рубеже 1890–1891 гг., притом что в январе 1893 г. был сформирован новый состав думы уже по Городовому положению 1892 г.¹⁰ Зачастую подобные справочники вообще не помещали списки гласных, ограничиваясь составом управы и некоторых избираемых думой должностных лиц¹¹. Поэтому данный вид источников необходимо расценивать как вспомогательный.

Основной корпус источников, позволяющих рассмотреть состав городской думы, составляют документы, непосредственно связанные с выбо-

рами гласных. Документы такого рода хранятся в Государственном архиве Саратовской области (далее – ГАСО). Это, прежде всего, дела о выборах гласных в думу за соответствующие годы, которые содержатся в фонде Саратовской городской управы (Ф. 4) и иногда попадают в фонд Саратовской городской думы (Ф. 3). Еще один важнейший вид источников – официальные списки избирателей, дошедшие до нас в опубликованном виде, а также в составе указанных выше архивных фондов. Они не только дают возможность восстановить численность саратовского электората в 1870–1880-е гг., но и позволяют во многих случаях уточнить персональные данные гласных. Огромную помощь в изучении темы оказывают основные саратовские газеты этого периода – «Саратовские губернские ведомости» и «Саратовский дневник», поскольку в них публиковались полные списки гласных думы, избранных на новое четырехлетие.

Законодательные основы организации муниципальных выборов были установлены Городовым положением 1870 г. Согласно 17 статье Положения право избирать и быть избранным в городскую думу получал «всякий городской обыватель, к какому бы состоянию он ни принадлежал <...> 1) если он русский подданный; 2) если ему не менее двадцати пяти лет от рождения; 3) если он при этих двух условиях владеет в городских пределах <...>, на праве собственности, недвижимым имуществом, подлежащим сбору в пользу города, или содержит торговое или промышленное заведение по свидетельству купеческому, или же, прожив в городе в течение двух лет сряду пред производством выборов, хотя бы и с временными отлучками, уплачивает в пользу города установленный сбор со свидетельств: купеческого, или промыслового на мелочный торг, или приказчицкого 1 разряда, или с билетов на содержание промышленных заведений, <...> и 4) если на нем не числится недоимок по городским сборам». Избирательных прав были лишены те, кто находился под следствием или судом, либо был осужден по некоторым видам преступлений (ст. 18), а также губернатор, члены губернского правления, чины местной полиции и члены губернского по городским делам присутствия¹² (исключая городского голову) (ст. 19). Женщины не имели права непосредствен-

ного участия в выборах, но могли передавать свой голос по доверенности ближайшему родственнику мужского пола. Передоверять свой голос должны были также не достигшие 25-летнего возраста. Кроме того, любой желающий мог передать голос лицу, даже не обладавшему избирательным цензом, если только это лицо не попадало под ограничения статей 18 и 19. В выборах принимали участие не только «физические» лица, но и через своих представителей «разные ведомства, учреждения, общества, компании, товарищества, а равно монастыри и церкви, если владеют в городах недвижимым имуществом, с коих взимается в пользу города сбор, или уплачивают в пользу города установленные сборы с документов за право торговли и промыслов» (ст. 21). По закону один человек мог иметь на выборах не более двух голосов (ст. 23)¹³.

Перед началом выборов составлялись списки, в которых фиксировались фамилия, имя, отчество и сословный статус избирателя, а также сумма сборов уплачиваемых им в городскую казну. Все избиратели делились на три разряда, каждый из которых в совокупности уплачивал одну треть всех городских сборов. Избиратели каждого разряда составляли отдельное избирательное собрание, которое имело право выбрать в думу одну треть от общего числа гласных¹⁴. Тем самым правительство стремилось обеспечить преимущество на выборах тем, кто имел в городской черте значительную недвижимую собственность или вел крупные торговые операции.

Таким образом, Городовое положение позволяло принимать участие в муниципальных выборах далеко не всем горожанам. После его введения, в Саратове, где проживало в 1870 г. 85.220 чел.¹⁵, избирателей насчитывалось лишь 5.967¹⁶, т. е. 7 % всего населения.

В табл. 1 сведены данные о количестве городских избирателей Саратова за все время действия Городового положения 1870 г. Прежде всего, привлекает внимание очень низкий процент лиц, получивших избирательные права. Принимать участие в формировании органов саратовского самоуправления могли в среднем не более 6 % горожан, что объясняется установленными законодательными ограничениями.

Таблица 1

Количество избирателей Саратова по Городовому положению 16 июня 1870 г.¹⁷

Год	Население Саратова (чел.) ¹⁸	Численность избирателей				Доля всех избирателей в населении города, %	Сумма уплачиваемых сборов
		1-й разряд	2-й разряд	3-й разряд	Общая		
1870	85.220	132	493	5.342	5.967	7	26.035 р. 96,5 к.
1874	95.720	85	548	5.381	6.014	6,3	65.962 р. 55 к.
1878	101.467	94	508	5.187	5.789	5,7	46.585 р. 48 к.
1882	112.428	73	453	5.614	6.140	5,5	44.760 р. 55 к.
1886	123.750	81	512	6.029	6.622	5,4	48.219 р. 97 к.
1890	122.019	81	521	6.554	7.156	5,9	50.269 р. 40 к.

Кроме того, относительное количество избирателей в конце 1870-х и в 1880-е гг. снизилось по сравнению с началом изучаемого периода. Это связано с быстрым ростом населения города, за которым не успевал рост числа городских налогоплательщиков. Колебание численности избирателей в большой мере зависело и от налоговой политики саратовского муниципалитета. Если обратить внимание на сумму уплачиваемых всеми избирателями сборов, бросается в глаза, что к 1874 г. она увеличилась почти втрое по сравнению с первым избирательным годом. Затем произошло резкое снижение почти на 30 % и в 1878–1890 гг. сумма налогов (от которых зависело наличие избирательных прав) либо снижалась, либо очень медленно росла исключительно в связи с естественным приростом числа налогоплательщиков. Дело в том, что Городовое положение 1870 г. позволило новой думе значительно увеличить налоговые поступления в муниципальный бюджет. В частности, оценочный сбор – прямой налог с городской недвижимости – вырос в период деятельности Саратовской городской думы первого четырехлетия (1871–1874 гг.) вдвое. Однако следующий состав думы (1875–1878 гг.) счел завышенным размер этого налога и сократил его ставку, что, естественно, привело к резкому падению доходов по этой статье бюджета¹⁹. Поскольку увеличение налоговых поступлений в первое четырехлетие было произведено, в основном, за счет переучета и выколачивания недоимок, которые накопились в большом количестве еще при дореформенной думе, количество избирателей возросло за 1871–1874 гг. незначительно (недоимщики по закону не могли участвовать в выборах). Когда же ставка оценочного сбора была уменьшена и проведена переоценка городских недвижимых имуществ, многие владельцы малоценной собственности вообще были освобождены от уплаты налога, но вместе с тем потеряли и избирательные права. Только когда налоговая политика саратовского муниципалитета стабилизировалась, количество избирателей стало медленно, но верно увеличиваться каждое четырехлетие.

Социальный состав избирателей Саратова был достаточно пестрым. Судя по спискам²⁰, среди них имелись представители практически всех сословий и общественных групп, проживающих в городе: титулованные дворяне, чиновники, духовенство, почетные граждане, купцы I и II гильдий, мещане, цеховые ремесленники, казаки, крестьяне и т. д. Осуществить точный подсчет деления избирателей на социальные категории, учитывая огромный объем материала, пока не представляется возможным. Просмотр списков оставляет впечатление, что в первом и втором разрядах избирателей доминировали представители купечества, тогда как в третьем разряде абсолютное большинство составляли

мещане, хотя в списках этой категории было немало и дворян, и чиновников, и купцов, и крестьян и др.

Среди саратовских избирателей присутствовали и различные организации, уплачивавшие налоги городу. На протяжении всего рассматриваемого периода крупнейшим налогоплательщиком городских сборов было «Общество купцов и мещан г. Саратова», имевшее большое количество недвижимости. Кроме него к первому разряду избирателей, как правило, относились Архиерейский дом²¹ и Дворянское депутатское собрание Саратовской губернии. Все эти организации принимали участие в городских выборах через своих представителей. От «Общества купцов и мещан» в 1870 г. голосовал купец Ф. И. Кожевников, в 1878 г. – купец Я. П. Славин, 1882 г. – мещанин Г. И. Дашковский²². Контора Архиерейского дома в течение многих лет доверяла свой голос городскому архитектору А. М. Салько²³, что давало ему возможность избираться в думу по первому избирательному собранию, тогда как он сам не относился к крупным налогоплательщикам. Дворянское собрание делегировало для участия в выборах от его имени отставного подполковника Ф. И. Абакумова (был гласным в 1875–1878 и 1883–1886), а впоследствии – коллежского ассессора Н. П. Фролова (1891–1892)²⁴. Во втором и третьем разрядах избирателей числились Саратовское губернское земство, Тамбово-Саратовская железная дорога, саратовские отделения некоторых государственных и частных банков, цеховое и казачье общества и другие коммерческие и общественные организации. По всем трем разрядам проходило немало религиозных объединений – православные церкви и монастыри, Лютеранский церковный совет, Общество евангелическо-лютеранского исповедания, «Церковь Римско-католическая». Интересно, что избирателями (с одним голосом) числились и целые крестьянские общины: в частности, в списке 1890 г. фигурируют «общество кр[естьян] дерев[ни] Усть-Курдюма» и «общество крестьян села Побочнаго»²⁵. Скорее всего, подобные избиратели получали ценз в связи с арендой принадлежавших городу земельных участков на территории Саратовского уезда.

Далеко не все организации пользовались своими правами на городских выборах. Наиболее пассивно вели себя саратовские православные церкви и монастыри: сведений об их участии в выборах пока обнаружить не удалось. Забегая вперед, надо сказать, что за 1871–1892 гг. в Саратовскую городскую думу не было избрано ни одного гласного из духовного звания.

Пассивное отношение к выборам было присуще не только «корпоративным» избирателям. Не все горожане считали нужным реализовывать свои избирательные права. Сведения, собранные в августе 1892 г. городской управой

в связи с готовившейся новой реформой городского самоуправления (табл. 2), свидетельствуют, что в 1870-е гг. активность избирателей (как абсолютная, так и относительная) медленно, но верно нарастала. В начале следующего десятилетия наступил кризис и на выборы 1882 г. цензовая часть горожан почему-то шла неохотно, возможно, саратовцы были разочарованы

деятельностью городской думы, не оправдавшей их надежд на значительное улучшение муниципального хозяйства. В конце 1880-х гг. наблюдается некоторый рост активности избирателей: интерес к выборам был подогрет, в частности, отменой их результатов по третьему избирательному собранию в 1886 и 1891 гг. о чем пойдет речь ниже.

Таблица 2

Число избирателей, участвовавших в выборах 1870–1890 гг.²⁶

Выборы на четырехлетие	Число избирателей*					
	1-й разряд	2-й разряд	3-й разряд	Общее	Доля голосовавших (в том числе через доверенных), %	
					в общем количестве избирателей	в населении города
1871–1874	63 (84)	113 (127)	167 (199)	343 (410)	6,9	0,48
1875–1878	43 (48)	129 (148)	234 (296)	406 (492)	8,2	0,51
1879–1882	49 (53)	146 (155)	288 (349)	483 (557)	9,6	0,54
1883–1886	41 (44)	114 (118)	280 (301)	435 (463)	7,5	0,41
1887–1890	40 (40)	130 (138)	286 (371)	456 (549)	8,3	0,44
1891–1894	57 (57)	129 (134)	379 (423)	565 (614)	8,6	0,50

*В скобках – количество голосов.

Обращает на себя внимание то, что в формировании органов городского общественного управления реально принимало участие всего около 0,5 % горожан, а возможно, и того меньше, поскольку цифры о численности населения Саратова (см. табл. 1), на которые приходится опираться, не вполне точны и, скорее всего, немного занижены. Тем не менее таковы были реалии той эпохи: количество горожан, задействованных в самоуправлении ограничивали не только законодательные рамки, но и низкий уровень политической культуры, а также пассивная гражданская позиция большинства людей. Не стоит забывать и о том, что работа гласного городской думы считалась исключительно общественной и не оплачивалась, отнимая при этом довольно много времени, поэтому многие избиратели среднего и низкого достатка просто не видели причин стремиться к этой должности.

Первые выборы в Саратовскую городскую думу по новому Городовому положению состоялись 15–21 декабря 1870 г. В дальнейшем выборы происходили через каждые четыре года либо во второй половине декабря, либо в конце декабря – начале января. Голосование проходило сначала в первом избирательном собрании, затем через несколько дней – во втором, и, наконец, еще через несколько дней – в третьем. Очередность голосования по собраниям строго соблюдалась для того, чтобы кандидаты, забаллотированные по первой или второй курии, могли «попытать счастья» еще раз или два. Таким образом, крупные налогоплательщики получали дополнительные преимущества на выборах. Если выборы по первому и второму собраниям проходили за один день, то по третьему собранию голосование, в связи с

многочисленностью избирателей, занимало, как правило, два дня.

В заранее назначенный городскими властями день избиратели соответствующей курии сходились к 10 часам утра в помещение городской думы на углу Московской и Полицейской²⁷ улиц. Председательствовавший в избирательном собрании городской голова зачитывал основные статьи закона, касающиеся процедуры избрания гласных, и в дальнейшем руководил всем процессом. Для подсчета голосов ему в помощники избиралось несколько человек из присутствовавших. Делопроизводством руководил городской секретарь. Составлялся список лиц, прибывших на избирательное собрание, причем проверялись их права, в соответствии с составленным и утвержденным заранее общим списком городских избирателей. Фиксировалось также наличие доверенностей на право голоса за отсутствующих лиц или за какие-либо организации. После составления списка прибывших начиналось голосование. Интересно, что кандидатуры выдвигались как из числа присутствовавших лично на избирательном собрании, так и из отсутствовавших, но состоявших в списках избирателей. Баллотироваться в гласные могли также те, кто обладал правом голоса только по доверенности, не имея собственного ценза. Закон допускал возможность избрания гласных любой из курий не только из соответствующего разряда избирателей, но и из числа избирателей, принадлежащих к другим собраниям. Баллотировка осуществлялась по каждой кандидатуре отдельно, путем опускания шаров в условно обозначенные «белое» («за») и «черное» («против») отделения специальных ящиков. Лица, набравшие более половины голосов избирателей, присутствовавших

в собрании, считались избранными в гласные. Если таких оказывалось менее необходимого числа, тогда производилась дополнительная баллотировка, где достаточно было набрать простое большинство голосов. Затем составлялся протокол избирательного собрания, под которым расписывались все присутствовавшие, и список гласных и кандидатов в гласные (последние могли в дальнейшем оказаться в думе, если кто-то из гласных выбывал). После окончания выборов все списки избранных поступали в городскую управу, которая составляла общий список гласных и опубликовывала его в местных газетах. Жалобы на нарушения во время выборов могли подаваться в течение недели в городскую управу или губернатору, который передавал их на рассмотрение губернского по городским делам присутствия²⁸.

Такова была формальная сторона выборов. Но не менее важна сама атмосфера, в которой проходила элекционная кампания в Саратове. И. Я. Славин, неоднократно избиравшийся гласным Саратовской городской думы начиная с 1879 г., в своих воспоминаниях свидетельствует, что выборы гласных на четырехлетие 1883–1886 гг. проходили «сравнительно тихо и мирно, без явной агитации, без шумных предвыборных собраний, без печатных в местной прессе реклам или порицаний – без всего того, что обычно сопутствовало городским выборам в последующие четырехлетия»²⁹.

Известный саратовский журналист этого периода И. П. Горизонтов в 1885 г. опубликовал в газете «Саратовский листок» красочное описание городских выборов. «Представьте себе, – писал он, – залу городской думы, наполненную разнокалиберным народом, судя по наружности, костюмам и речам которого легко можно впасть в заблуждение и принять эту толпу за сходку какою-нибудь крестьянского мира. Двери и нередко окна залы раскрыты настежь, несмотря на декабрьские морозы, но, невзирая на столь щедрую вентиляцию, воздух избирательной обширной комнаты насквозь пропитан тем острым запахом, который несетя от значительной толпы простого народа. Курево от махорки плавают облаками, на которых, по пословице, может легко повиснуть топор. Толпа избирателей возбуждена: она то и дело бежит в близлежащий кабачок и вдохновляется для предстоящего ей дела избрания. Шум, гам, хохот и ругань. Среди этих кислых полушубков и пропотевших поддевок то и дело шмыгают личности кандидатов в гласные. Они о чем-то шушукают с избирателями, показывая *право* и *лево*, т. е. обучая приемам баллотировки. Вся эта многолюдная толпа ничего не понимает в общественных делах, и ей решительно все равно, куда ни бросить маленький, юркий шарик, решающий выбор того или другого лица. Толпа эта не разбирает своих кандидатов, она знать не хочет их нравственных качеств, <...> – ее *научили* куда бросить шарик, и она считает дело сделанным, обязанность свою исполненной. А кого она почтила доверием, кому

вручила благосостояние своего родного города, – до этого толпе нет дела: ей речей не говорят, ее не просветляют, а ведут куда нужно под давлением ее руководителей»³⁰.

Это описание очевидно рисует обстановку на выборах по второму и третьему избирательным собраниям. В первой курии количество участников голосования было невелико, и выборы проходили более «степенно». Не случайно Горизонтов упоминает о привычке избирателей «вдохновляться» в близлежащем кабачке. Это явление было распространено настолько, что иногда приводило к курьезам. По требованию членов второго избирательного собрания, происшедшего 16 декабря 1886 г., был составлен протокол о том, что избиратель А. В. Пастухов, «будучи в нетрезвом состоянии, производил шум и крик, требуя вновь двух шаров для производства баллотировки третьей серии баллотировавшихся, в избрании которых, по заявлению членов собрания, он уже участвовал, а потому и вследствие отказа в подчинении председательствующему прекратить шум, г. Пастухов был удален из собрания»³¹. В «Саратовском дневнике» этот инцидент был отражен гораздо лаконичнее. «При баллотировке 7-й шестерки уже часа в 4 дня, избиратель Пастухов кричал: – Выньте у меня сердце, я не положил шара! Двое сторожей вывели его из залы»³².

Описывая производство тех же выборов по третьему избирательному собранию, «Дневник» сообщал: «Гг. избиратели еще на прошлых выборах чувствовали недостаток устроенного в помещении городской управы буфета; при настоящих выборах один из избирателей вздумал пополнить этот недостаток, устроив в здании постоянного двора, что на Полицейской ул., против здания думы, импровизированный кабачок. Сначала все шло как по маслу, гг. избиратели, гурьбой, то и дело бегали погреться в устроенное заведение, но, затем, среди них нашелся Иуда-предатель, сообщивший о затее хитрого избирателя полиции. В 1 час дня полиция явилась на постоялый двор и составила акт о беспатентной торговле вином»³³.

Неудивительно, что проходившие в подобной атмосфере выборы иногда сопровождались значительными нарушениями. В рассматриваемый период их результаты по третьему избирательному собранию дважды аннулировались Саратовским губернским по городским делам присутствием и назначалось повторное голосование. 23 декабря 1886 г. тремя избирателями была подана в присутствие жалоба на нарушения при выборах в третьем избирательном собрании, состоявшихся 18–19 декабря этого года. Среди нарушений были перечислены, в частности, «допущение в собрание недоимщиков», председательство в собрании «заступающего должность городского головы, когда сам голова считается при отправлении своих обязанностей, беспорядочность выборов ассистентов в помощь председателя для счета голосов», «неправильность выбора Болдырева»³⁴ и

Дашковского³⁵, бывших под следствием, и вообще беспорядочное поведение многих избирателей, находившихся в ненормальном состоянии, производивших шум и мешавших правильному выбору предлагаемых лиц». Присутствие признало этот протест «заслуживающим уважения», отменило результаты выборов по третьему собранию, в результате чего было проведено повторное голосование по этому разряду 12–14 января 1887 г.³⁶ Второй раз выборы были аннулированы снова по третьему собранию в январе 1891 г. вследствие протеста, мотивированного тем, «что один из избирателей 2-го разряда был допущен в качестве избирателя в 3-е собрание и принимал в нем участие»³⁷. Любопытно, что на повторное голосование 22–24 января 1891 г. пришло значительно больше избирателей, чем на первое³⁸. Таким образом, налет скандальности на выборах повышал активность саратовского электората.

На основе различных источников удалось восстановить списки всех составов гласных, избиравшихся в период действия Городового положения 1870 г. К сожалению, рамки данной работы не позволяют привести их полностью, поэтому ограничусь лишь изложением некоторых общих наблюдений и выводов на основе этих списков. Прежде всего, вызывает интерес социальный состав Саратовской городской думы в указанное время. При изучении этого вопроса пришлось столкнуться с некоторыми трудностями. В рассматриваемую эпоху все подданные Российской империи принадлежали к определенному сословию, что официально фиксировалось, но при работе с источниками выясняется, что зачастую в различных документах имелись разночтения по поводу сословной принадлежности того или иного человека. Дело в том, что сословный статус можно было не только унаследовать от родителей, но и получить другими путями, например в связи с приобретением определенного классового чина, награждением орденом, получением высшего образования, вступлением в купеческую гильдию и т. д. Поэтому иногда возникали затруднения, к какой социальной категории нужно отнести того или иного гласного? Даже в самих документах саратовского муниципалитета встречаются разночтения, касающиеся сословной принадлежности некоторых его членов. Известный саратовский общественный деятель и коммерсант В. Д. Ва-

куров был сыном купца. В 1855 г. он окончил Казанский университет с ученой степенью, кроме того, получил чин коллежского секретаря, поэтому должен был быть приписан к сословию почетных граждан. Однако в 1871 г. он был избран в думу как временный купец³⁹, а со следующего четырехлетия избирался уже как купец I гильдии, и только в 1893 г. он был выписан из купеческого звания⁴⁰. Другой характерный пример – братья В. П. и Н. П. Гусевы. По «Списку лицам, имеющим право быть городскими избирателями...» 1870 г. они оба значатся как «чиновник, торгующий по свидетельству 2 гильдии»⁴¹, а в списке избранных первым избирательным собранием 15 декабря 1870 г. гласных – соответственно «купец 2 гильдии, коллежский советник» и «купец 2 гильдии, коллежский секретарь»⁴². При этом чин коллежского советника по закону давал Владимиру Петровичу статус личного дворянина, а по формулярному списку, составленному в январе 1871 г., он относится к сословию потомственных почетных граждан⁴³. Тем не менее в списках гласных первого четырехлетия (1871–1874 гг.) статус Гусевых зафиксирован как «временный купец». Более того, в материалах думы этого четырехлетия существует «Список гласным ... получившим университетское образование из купеческого и мещанского сословия», в котором фигурируют лишь три лица – В. П. Гусев, Н. П. Гусев и В. Д. Вакуров⁴⁴. Однако я счел целесообразным отнести братьев Гусевых к категории «чиновников», поскольку основной их деятельностью была государственная служба. Их занятие торговлей было временным и вспомогательным, а служба определяла их деловые и личные качества. В дальнейшем В. П. Гусев избирался в думу еще один раз (на 1875–1878 гг.), а Н. П. Гусев – трижды (на 1879–1882, 1883–1886 и 1887–1890 гг.) и тогда их социальный статус определялся только как «чиновник». Что касается Вакурова, то его основным занятием была торговля, он не служил и по чиновной лестнице не продвигался, поэтому его я отнес к категории «купцов». Подобным образом разрешались и другие затруднения.

Очевидно, что как относительное, так и абсолютное большинство в думе на протяжении всего рассматриваемого периода принадлежало купечеству (табл. 3).

Таблица 3

Социальный состав гласных Саратовской городской думы в 1871–1892 гг.⁴⁵

Выборы на четырехлетие	Дворяне и чиновники	Почетные граждане	Купцы	Мещане	Цеховые	Прочие
1871–1874	7	5	43	13	4	–
1875–1878	20	4	44	4	–	–
1879–1882	16	3	43	10	–	–
1883–1886	15	5	42	8	1	1
1887–1890	12	7	42	6	4	1
с 1891	11	9	42	9	1	–

Необходимо также помнить, что такие социальные категории, как почетные граждане и мещане, были близки купечеству и по роду занятий, и по менталитету, и по интересам. Купцы имели широкую возможность перейти в разряд почетных граждан, если, например, состояли в I гильдии в течение 20 лет, получили звание коммерции советника или были награждены одним из российских орденов. Мещане, избравшиеся в гласные думы, как правило, занимались торговлей, по свидетельствам, на мелочный торг или содержали какие-либо промышленные заведения по специальным билетам. Поэтому в городской думе доминировало торгово-промышленное большинство, которое имело возможность влиять на все ее решения в своих интересах. Единственной альтернативной силой в муниципалитете, существенно отличавшейся от купечества социально-психологическим обликом, были дворяне и чиновники. Но представители этой категории, во-первых, неохотно принимали участие в городском самоуправлении, предпочитая земские органы, а во-вторых, не могли на выборах составить серьезную конкуренцию купечеству в связи с законодательными ограничениями. Действительно, любой купец попадал в число избирателей почти автоматически, так как был обязан уплачивать налоги с торговли и промыслов. Мещанин, владеющий в пределах города деревянным домом, также пользовался избирательными правами. В то же время дворянин, имевший огромные земельные угодья в губернии, но в Саратове владеющий лишь относительно скромным жильем, «тонул» в мещанской массе избирателей третьего разряда, которая была чужда ему и, как правило, более охотно поддерживала

на городских выборах купца. А чиновник, хотя и снимавший в городе квартиру за несколько сотен рублей, но не имевший собственности, вообще не мог принимать участия в выборах, в отличие от мещанина, крестьянина или казака, вносящего за свою лачугу на окраине города 16 копеек⁴⁶ оценочного сбора в год. Эту парадоксальную особенность городской избирательной системы подметили еще современники⁴⁷.

По указанным причинам количество дворян и чиновников в городской думе этого периода было невелико, хотя они всегда составляли достаточно активную часть саратовского муниципалитета. Цеховые ремесленники попадали в гласные редко, причем это были, как правило, люди, причастные к корпоративному ремесленному управлению, например, саратовский ремесленный голова Г. М. Крылов, избравшийся на 1883–1892 гг. Из остальных сословий в думе побывали лишь крестьянин А. И. Волков, избранный на 1883–1886 гг., и писарь казачьего правления Ф. И. Стрелков в 1887–1890 гг. (оба прошли по третьему избирательному собранию).

В исследовательской литературе иногда встречаются утверждения, что в указанный период «благодаря большей активности, большому весу, связям в Саратовскую думу попадали преимущественно представители 1–2 разрядов»⁴⁸. На мой взгляд, этот вывод нуждается в некоторой корректировке. Сопоставление списков гласных со списками избирателей каждого четырехлетия позволяет установить количественное соотношение представителей всех избирательных категорий, проходивших в городскую думу (табл. 4).

Таблица 4

Принадлежность гласных Саратовской городской думы к избирательным разрядам⁴⁹

Выборы на четырехлетие	Избрано гласных			
	Из избирателей			По доверенности
	1-го разряда	2-го разряда	3-го разряда	
1871–1874	27	23	17	5
1875–1878	18	25	29	–
1879–1882	22	23	25	2
1883–1886	18	32	19	3
1887–1890	15	30	23	4
с 1891	14	30	24	4

Как видим, избиратели первого разряда, за исключением четырехлетия 1871–1874 гг., не могли выбрать даже установленную законом квоту в одну треть всех мест в думе. Объективно это было связано с небольшим количеством избирателей этой категории, а также с их довольно пассивным отношением к городским выборам. С середины 1870-х до начала 1880-х гг. больше всего в думе было представителей третьего разряда избирателей, а затем их опе-

редили гласные из второй курии. Преобладание того или иного разряда в составе думы было возможно, поскольку, как отмечалось выше, закон позволял принимать участие в голосовании в любом избирательном собрании, если желающий имел доверенность на право голоса от представителя данного разряда избирателей. Этот фактор лишь усиливал условность деления избирателей на курии. Зачастую по первому и второму избирательным собраниям в думу про-

ходили лица малосостоятельные, а по третьему, напротив, избирались достаточно зажиточные и влиятельные саратовцы. Более того, в числе тех, кто избирался, вообще не имея собственного ценза, также были состоятельные и известные люди. Например, на 1871–1874 гг. по доверенностям своих жен были избраны первым избирательным собранием – действительный статский советник, князь В. А. Щербатов, а вторым – мировой судья, надворный советник, дворянин И. Т. Миловидов⁵⁰. На 1883–1886 и 1887–1890 гг. от второго избирательного собрания по доверенности жены избирался нотариус, дворянин Г. Г. Дыбов⁵¹, несмотря на то, что он и сам был достаточно зажиточным человеком⁵². Но его состояние в эти годы, видимо, заключалось лишь в движимом имуществе, тогда как у его жены – А. Г. Дыбовой – был собственный дом на ул. Московской, где, кстати, размещалась и контора нотариуса Дыбова. Недвижимость давала избирательный ценз, по которому этот достаточно активный и яркий деятель саратовского муниципалитета принимал участие в выборах. Только с начала 1890-х гг. Дыбов вошел в число избирателей третьего разряда, но избирался, опять-таки, по второму собранию, пользуясь той же доверенностью⁵³.

В 1871–1892 гг. в составе Саратовской городской думы последовательно побывало несколько сотен человек⁵⁴. Наибольшее внимание привлекают те из них, кому удавалось избираться гласными несколько раз, поскольку именно они составляли наиболее активную часть думы, а также занимали различные должности в муниципальной системе. За весь рассматриваемый период только четыре человека избирались гласными на все шесть четырехлетий. Это купцы В. Д. Вакуров и А. И. Недошивин, мещанин, а затем купец Е. Т. Решетников и дворянин И. Т. Миловидов⁵⁵. Пять раз избирались дворяне А. В. Песков (1875–1892)⁵⁶ и М. А. Попов (1875–1892), чиновник А. М. Салько (1875–1892), купцы А. Н. Епифанов (1875–1892) и И. И. Шумилин (1875–1892), мещанин, а затем купец Ф. Я. Рукавишников (1875–1892) и мещанин В. Н. Болдырев (1871–1886, 1891–1892). Четырежды в думу проходили чиновники К. В. Всеволожский (1879–1892), Н. П. Гусев (1871–1874, 1879–1890) и И. Я. Славин (1879–1892), почетный гражданин Х. Ф. Никитин (1875–1890), купец, а затем почетный гражданин В. Ф. Никитин (1879–1892), купцы Е. Я. Горин (1871–1886), И. А. Дивеев (1871–1886), Ф. Я. Дружинин (1875–1878, 1883–1892), С. Е. Жегин (1871–1886), Ф. Ф. Захаров (1871–1886), Г. Д. Кирилов (1871–1883⁵⁷), Л. С. Лебедев (1879–1892), Г. В. Очкин (1871–1886), П. А. Ржевкин (1871–1886), В. И. Скворцов (1871–1886), М. В. Фомин (1871–1885⁵⁸), И. Д. Шиловцев (1879–1892), П. И. Шмидт (1875–1890), И. Е. Юренков (1879–1892), меща-

нин, а затем купец Ф. М. Оленев (1879–1892). Многие избирались гласными два или три раза⁵⁹. Начиная с середины 1870-х гг. в составе думы существовало значительное число тех, кто избирался в нее неоднократно. На 1875–1878 гг. был избран 31 гласный, избравшийся до этого на первое четырехлетие. В 1879 г. в думу прошли уже 43 человека, имевшие опыт работы в ней, в 1883 г. – 47, в 1887 г. – 40, в 1891 г. – 49⁶⁰. Переизбрание многих гласных на новые сроки привело к тому, что постепенно в думе создавался костяк из опытных общественных деятелей, способных профессионально работать в области городского хозяйства.

Характерной особенностью городской думы было наличие в ее составе большого числа близких родственников. В некоторых случаях они могли быть гласными вместе, как уже упоминавшиеся братья В. П. и Н. П. Гусевы, купец Я. П. Славин (1871–1882) и его сын И. Я. Славин, почетный гражданин Ф. С. Никитин (1875–1878) и его сыновья Х. Ф. и В. Ф. Никитины, а позднее еще и Е. Ф. Никитин (1891–1892), братья купцы В. В. и М. В. Богословские (оба 1891–1892), Ф. Я. Дружинин и его сын мещанин И. Ф. Дружинин (1871–1878, 1883–1886), братья купцы А. Н. и Н. Н. Епифановы (последний был гласным в 1879–1882 гг.) (эти примеры можно продолжать). Иногда в думу на смену старшему родственнику приходили представители следующего поколения той же семьи. Например, три четырехлетия подряд первым собранием избирался купец М. Е. Шерстобитов (1871–1882), а со следующего четырехлетия по тому же собранию проходил Н. М. Шерстобитов (1883–1892), который в списках гласных значился как «купеческий сын», избранный по доверенности⁶¹. Очевидно, что семья «командировала» его представлять ее интересы в муниципалитете. Причем Н. М. Шерстобитов распоряжался на выборах голосом не только отца, но и матери⁶². После купца И. И. Селиванова (1875–1879⁶³) в думу пришли его сыновья, купцы А. И. Селиванов (1883–1890) и Н. И. Селиванов (1883–1892), после купца П. И. Кокуева (1879–1886) – его сын, почетный гражданин Н. П. Кокуев (1887–1892). Немало было и других подобных случаев. Все это создавало определенный налет «семейственности», «клановости» в деятельности городской думы и влияло на поведение гласных⁶⁴.

Таким образом, в 1870–1880-е гг. в Саратове сформировалась и функционировала новая система муниципальных выборов, основанная на принципе представительства в органах городского общественного управления интересов городских налогоплательщиков. Оказавшиеся в числе избирателей саратовцы получили возможность прямо или косвенно участвовать в решении важнейших вопросов городской жизни. Наиболее обеспеченные и активные слои

городского общества постепенно приобретали опыт участия в элекционных кампаниях и предвыборных агитационных акциях. К началу 1890-х гг. сформировалась группа общественных деятелей, стремившихся к должности гласного городской думы, и успешно боровшихся за нее на выборах. Однако практика применения Городового положения 1870 г. в Саратове показала и определенное несоответствие этого закона условиям российской действительности. Это несоответствие проявилось, с одной стороны, в пассивности избирателей, а с другой – в законодательном устранении от участия в выборах многих горожан, потенциально способных увеличить размеры активного электората. Деление избирателей на курии оказалось на практике бессмысленным. Наконец, неудачная форма организации выборов приводила к случаям срыва голосования, происходившим в 1880-х – начале 1890-х гг. не только в Саратове, но и в других крупных городах⁶⁵. Впрочем, и другие перечисленные факторы, видимо, имели место не только в этом городе, что повлияло на решение правительства изменить систему городских выборов в Городовом положении 1892 г.

Примечания

- 1 Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). Саратов, 1995. Т. 2. Ч. 1. С. 185. Этот абзац почти дословно повторен в крупном справочном издании, см.: Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 324.
- 2 Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Саратов, б. г. С. 88–89. В конце списка без разрыва назван еще и не являвшийся гласным городской секретарь М. С. Васильев, что, видимо, ввело в заблуждение автора VI главы «Очерков...».
- 3 Очерки истории... С. 164.
- 4 Саратовский дневник. 1886. № 276. 23 дек. С. 3; № 277. 24 дек. С. 2; № 280. 30 дек. С. 2.
- 5 Там же. 1887. № 19. 24 янв. С. 1.
- 6 Ардабацкий Е. Н. Введение саратовского городского самоуправления по Городовому положению 1870 года // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11. С. 93–106.
- 7 Там же. С. 106. Пунктуация и грамматика сохранены.
- 8 Там же. С. 105.
- 9 Воронезцев А. В. Саратовская городская дума: состав, структура, функции (конец XIX – начало XX века) // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2002. С. 34–44.
- 10 Адрес-календарь Саратовской губернии на 1888 г. Саратов, 1888. С. 192–195; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1893 г. Саратов, 1893. С. 111.
- 11 См.: Адрес-календарь Саратовской губернии на 1884 г. Саратов, 1883. С. 136–137.
- 12 Этот орган возник в результате городской реформы 1870 г. для рассмотрения спорных вопросов между городскими органами и местной коронной администрацией. Саратовское губернское по городским делам присутствие было создано 25 августа 1870 г. В его состав входили губернатор (на правах председателя), вице-губернатор, управляющий казенной палатой, прокурор окружного суда, председатель съезда мировых судей, председатель губернской земской управы и городской голова Саратова.
- 13 ПСЗ–II. Т. 45. Отд. 1. СПб., 1874. С. 825–826.
- 14 Там же. С. 826.
- 15 Свод статистических сведений о губернии (за 1870 и отчасти 1871 год, по отчетным данным 1870 года) // Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Саратов, 1871. Ведомости А, Б.
- 16 Список лицам, имеющим право быть городскими избирателями на основании 17 ст. Высочайше утвержденного 16 июня 1870 г. городского положения. (1871–1874 г.). [Саратов, 1870]. С. 1–132.
- 17 Составлено по: Список лицам, имеющим право быть городскими избирателями на основании 17 ст. Высочайше утвержденного 16 июня 1870 г. городского положения. (1871–1874 г.). [Саратов, 1870]; Список обывателям г. Саратова, имеющим право быть городскими избирателями на основании 17-й ст. Высочайше утвержденного 16 июня 1870 г. Городового положения. 2-го четырехлетия. (1875–1878 г.). Саратов, 1874; То же. 3-го четырехлетия. (1879–1882 г.). Саратов, 1878; То же. 4-го четырехлетия. (1883–1886 г.). Саратов, 1882; ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4174; Ф. 4. Оп. 1. Д. 929.
- 18 Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1882. Т. 2. С. 154, 156, 158; Памятная книжка Саратовской губернии на 1890 г. Саратов, 1889. С. 26; О числе жителей по сословиям в Саратовской губернии за 1890 год // Протокол и отчет Саратовского губернского статистического комитета за 1890 г. Саратов, 1891. С. 2.
- 19 См. об этом подробнее: Зайцев М. В. Бюджет Саратова в 1871–1892 гг. // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2005. Вып. 2. С. 100–101, 109.
- 20 См. источники, указанные к табл. 1.
- 21 Учреждение, ведавшие имуществом Русской православной церкви на территории Саратовской епархии.
- 22 ГАСО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 88. Л. 1; Ф. 4. Оп. 1. Д. 316. Л. 26–29; Д. 477. Л. 2–2 об.
- 23 Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 316. Л. 26–29; Д. 477. Л. 6, 27–28; Д. 647. Л. 2, 26; Д. 856. Л. 6, 37–37 об.
- 24 Там же. Д. 477. Л. 1; Д. 647. Л. 1; Д. 856. Л. 3–3 об.
- 25 ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 929.
- 26 ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 940. Л. 5. Общее число избирателей и доля голосовавших – подсчет мой. – М.З.
- 27 Ныне улица Октябрьская.
- 28 ПСЗ–II. Т. 45. Отд. 1. С. 826–827.
- 29 Славин И. Я. Минувшее – пережитое // Волга. 1998. № 7. С. 78.
- 30 Горизонтов И. П. Из «Писем к приятелю» // Волга. 1990. № 5. С. 96–97. Слова выделены в тексте публикации.
- 31 ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 648. Л. 46.
- 32 Саратовский дневник. 1886. № 271. 17 дек. С. 2.
- 33 Там же. 1887. № 9. 13 янв. С. 3.

- ³⁴ Мещанин В. Н. Болдырев избирался гласным на 1871–1886 и 1891–1892 гг.
- ³⁵ Мещанин, кабатчик Г. И. Дашковский избирался гласным на 1883–1886 и 1887–1890 гг.
- ³⁶ Саратовский дневник. 1886. № 277. 24 дек. С. 2; № 280. 30 дек. С. 2.
- ³⁷ Там же. 1891. № 8. 10 янв. С. 3; № 15. 17 янв. С. 3.
- ³⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 858. Л. 79–100; Д. 893. Л. 166–183; Саратовский дневник. 1891. № 19. 23 янв. С. 2.
- ³⁹ Права купеческого состояния получали те, кто приобрел гильдейское или купеческое свидетельство и при этом уплатил все повинности по прежнему званию. Лица, не исполнившие последнего условия или пожелавшие остаться в прежнем звании, именовались «временными купцами».
- ⁴⁰ Булычев М., Максимов Е. Купцы Вакуровы // Степные просторы. 1995. № 4–5. С. 30.
- ⁴¹ См.: Список лицам, имеющим право быть городскими избирателями на основании 17 ст. Высочайше утвержденного 16 июня 1870 г. городского положения. (1871–1874). [Саратов, 1870].
- ⁴² ГАСО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 88. Л. 36.
- ⁴³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1988. Л. 117 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 38.
- ⁴⁵ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1988. Л. 35–36; Саратовские губернские ведомости. 1875. № 12. С. 1; 1879. № 8. С. 1; 1883. № 11. С. 1; 1891. № 12. С. 1; Саратовский дневник. 1887. № 19. 24 янв. С. 1.
- ⁴⁶ См.: Список обывателям г. Саратова... 4-го четырехлетия. (1883–1886 г.). Саратов, 1882.
- ⁴⁷ См.: *Горизонтов И. П.* Указ. соч. С. 96.
- ⁴⁸ *Воронежцев А. В.* Указ. соч. С. 36.
- ⁴⁹ Подсчитано по источникам, указанным к табл. 1 и 3.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 87. Л. 2, 35, 42; Д. 88. Л. 6, 36 об.
- ⁵¹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 467. Л. 54; Д. 648. Л. 32, 53.
- ⁵² См.: *Славин И. Я.* Указ. соч. С. 104.
- ⁵³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 857. Л. 56.
- ⁵⁴ В данной работе анализируются только списки избранных на каждое четырехлетие гласных. Однако необходимо отметить, что в течение каждого периода в составе думы происходили изменения: некоторые гласные выбывали по разным причинам, а их место занимали другие лица из числа избранных кандидатов. Такие изменения были незначительны (как правило, 3–4 человека в каждое четырехлетие) и поэтому при анализе состава думы не учитываются.
- ⁵⁵ В связи с избранием на должность председателя саратовского городского съезда мировых судей сложил с себя полномочия гласного городской думы в 1891 г. (ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 894. Л. 68).
- ⁵⁶ Здесь и далее указываются даты четырехлетий, на которые был избран тот или иной человек.
- ⁵⁷ Умер через несколько дней после выборов 1882–1883 гг.
- ⁵⁸ В июле 1885 г. скрылся из города. (ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 28).
- ⁵⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1988. Л. 35–36; Саратовские губернские ведомости. 1875. № 12. С. 1; 1879. № 8. С. 1; 1883. № 11. С. 1; 1891. № 12. С. 1; Саратовский дневник. 1887. № 19. 24 янв. С. 1.
- ⁶⁰ Подсчитано по источникам, указанным к табл. 3.
- ⁶¹ Саратовские губернские ведомости. 1883. № 11. С. 1.
- ⁶² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 647. Л. 4.
- ⁶³ Вскоре после выборов 1878 г. отказался от звания гласного.
- ⁶⁴ Помимо кровного родства были и другие родственные связи. Так, например, И. Я. Славин был женат на племяннице В. Д. Вакурова, а В. С. Пономарев (1891–1892) – на дочери И. И. Мордвинкина (1871–1878) и сестре Ф. И. Мордвинкина (1883–1886).
- ⁶⁵ Саратовский дневник. 1887. № 12. 16 янв. С. 3.

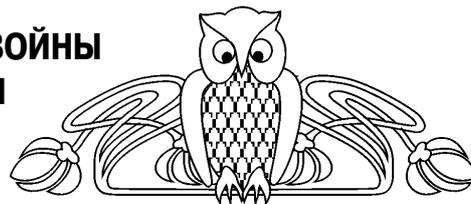
УДК 9(470) «18»

КАВКАЗСКИЙ ТЕАТР РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГОДОВ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕМУАРНОГО НАСЛЕДИЯ

С.А. Кочуков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: KochukovSA@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты мемуарного наследия о Кавказском театре Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Автор анализирует воспоминания Г.К. Градовского, Ф.Э. Штоквича, Н.П. Бетлинга, М.М. Поземковского, о которых в исследовательской литературе встречаются лишь единичные упоминания. В мемуарах показаны просчеты и ошибки русского командования, героизм русского солдата, представления о войне с точки зрения простых ее участников: офицеров в невысоких армейских чинах, рядовых солдат, врачей, сестер милосердия и др.

The Caucasian Seat of the Russo-Turkish War in 1877–1878: Some Aspects of the Memoir Heritage

S.A. Kochukov

The article explores some aspects of the memoir heritage concerning the Russo-Turkish War in 1877–1878 on the Caucasian seat of war. The author analyses the memoirs of G.K. Gradovskii, F. A. Shtokvich, N.P. Betling, M.M. Pozemkovskii, rather seldom mentioned in research literature. The memoirs reveal miscalculations and faults of the Russian headquarters, heroism of the Russian soldier, the War in terms of its ordinary participants: junior officers, privates, doctors, nurses, etc.